

В.А. Жуковский

**Материалы для изучения персидских
наречий**

Часть 1

УДК 304
ББК 60.5
Ж86

Ж86 **Жуковский В.А.**
Материалы для изучения персидских наречий: Часть 1 / В.А. Жуковский – М.: Книга по Требованию, 2021. – 283 с.

ISBN 978-5-4241-5699-1

Диалекты полосы города Кашана: вонишун, кохруд, кешэ, зэфрэ.

ISBN 978-5-4241-5699-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Valentin Alekseevich Zhukovskii.
В. А. ЖУКОВСКИЙ.

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ

ИЗУЧЕНІЯ ПЕРСИДСКИХЪ НАРѢЧІЙ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ДІАЛЕКТЫ ПОЛОСЫ ГОРОДА КАШАНА: ВОНИШУНЪ, КОХРУДЪ, КЕШЭ, ЗЭФРЭ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ. 1888.

ПРОДАЕТСЯ У КОМІСИОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

И. Глазунова въ С. П. Б.

Эггерса и Комп. въ С. П. Б.

И. Киммеля въ Ригѣ.

Цѣна 2 руб.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Ноябрь 1888 г. Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 13.

ВВЕДЕНИЕ.

Предлагаемый трудъ есть первый и прямой результатъ моей поѣздки въ Персію, состоявшейся по ходатайству Факультета Восточныхъ Языковъ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета предъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія въ 1883 году. Не могу не сознаться, что, когда Факультетъ, напутствуя меня, выразилъ желаніе, чтобы я «по мѣрѣ возможности обратилъ вниманіе на различныя персидскія нарѣчія», я сильно усумнился, чтобы въ этой области мои будущіе поиски могли увѣнчаться успѣхомъ, успѣхомъ въ томъ смыслѣ, чтобы мнѣ удалось пожитья чѣмъ нибудь новымъ, а не возвращаться, хотя бы и въ частностяхъ, къ старому, уже ранѣ повѣданному ученому міру. Масса трудовъ по персидской діалектологіи, казалось, не оставляла пяди неизслѣдованной земли Ирана и мало сулила новинокъ новому изслѣдователю: истинные ученые, обыкновенные путешественники и добросовѣстные туристы, перерѣзавшіе Иранъ по всѣмъ направленіямъ, посвятили изслѣдованію персидскихъ нарѣчій самостоятельныя труды, или отмѣчали нѣкоторыя ихъ особенности на страницахъ своихъ путешествій; ихъ дополняли интересующіеся Персіей дипломатическіе чиновники и миссіонеры, долгое пребываніе которыхъ на мѣстѣ, знаніе народа и его языка всегда представляетъ весьма солидныя данныя и благоприятныя условія для разнообразныхъ, въ томъ числѣ и діалектическихъ, работъ и притомъ нерѣдко въ мѣстностяхъ сравнительно глухихъ, удаленныхъ отъ большихъ центровъ государственной и умственной жизни. Совокупными усиліями и работами всѣхъ этихъ лицъ персидская діалектологія достигла широкаго развитія и богатыхъ результатовъ: установлено было существованіе нарѣчій цѣльныхъ областей и провинцій по прибрежью Каспійскаго моря, — каковы Татское, Талышское, Гилянское, Мазандеранское; разобраны были разнообразные діалекты многочисленныхъ курдскихъ племенъ, сосредоточивающихся въ (персидскомъ и турецкомъ) Курдистанѣ и спорадически разсѣянныхъ по разнымъ провинціямъ персидскаго государства; языкъ стоящихъ съ ними въ родствѣ Бахтіяровъ и Луровъ, наконецъ языкъ Парсовъ, кореннаго, чистаго,

нынѣ вымирающаго населенія Персіи, живущаго преимущественно въ Ездѣ и Кирманѣ¹⁾. Россія съ ея научными силами и учреждениями, дававшими свѣтъ работамъ иностранныхъ ученыхъ, въ дѣлѣ изученія персидскихъ нарѣчій всегда занимала первенствующее мѣсто, и труды Березина, Дорна, Жабы, Лерха, Мельгунова, Рисса, Ходзько и Юсти надолго, если не навсегда, останутся капитальными, не смотря на встрѣчающіеся въ нихъ, какъ и во всякой работѣ, недосмотры.

Мнѣ казалось, повторяю, мало вѣроятнымъ, чтобы что нибудь было забыто или не обратило на себя вниманіе ученыхъ въ области нарѣчій, въ особенности въ тѣхъ мѣстахъ, по которымъ мнѣ предстояло совершить свою поѣздку — отъ Каспійскаго моря на югъ по большой и самой обыкновенной, избитой караванной дорогѣ, на которой города Тегеранъ, Исфаганъ и Ширазъ были намѣчены мнѣ какъ пункты болѣе продолжительнаго пребыванія. Кто не ѣздилъ этимъ путемъ изъ путешествовавшихъ по Персіи?

Съ такимъ чувствомъ предубѣжденія я отправился на Востокъ, трехлѣтнее пребываніе на которомъ убѣдило меня, что въ діалектическомъ отношеніи современная Персія представляетъ изъ себя такое золотое дно, которое много лѣтъ еще будетъ давать неистощимый и вѣчно новый матеріалъ изслѣдователямъ, и что чистый новоперсидскій языкъ, извѣстный большинству населенія, далеко не пользуется такою общеупотребительностію и распространенностію въ качествѣ разговорнаго языка, какъ мы о томъ привыкли думать: онъ — языкъ государственннй, дѣловой, языкъ большихъ городовъ и привилегированныхъ классовъ, простой же народъ, деревня, въ немъ не нуждается, говоря на діалектахъ. Кроме того, наблюденія, сдѣланныя на мѣстѣ, ставятъ меня въ возможность отвергнуть нѣкоторыя невѣрные положенія однихъ изъ прежнихъ изслѣдователей и внести поправки въ труды другихъ.

Прежде всего, поразительное обиліе и многообразіе (въ частностяхъ) персидскихъ діалектовъ по полосамъ, и въ нихъ по отдѣльнымъ пунктамъ — городамъ, деревнямъ и поселкамъ, ставятъ въ настоящее время изученіе нарѣчій на иную нѣсколько почву. Дѣленіе персидскихъ языковъ и діалектовъ на группы, приводимыя персидскими лексикологами и вообще мусульманскими писателями (какъ напр. پارسی, بهلوی, دری, سغدی и т. д.) и на основанія ихъ показанія удерживаемыя настойчиво и европейскими изслѣдователями, должно быть оставлено, какъ вносящее въ дѣло только одну путаницу и не дающее никакого яснаго представленія о діалектѣ, кроме его часто условнаго названія. Всѣ усилія должны быть направлены на детальное изученіе діалектовъ отдѣльных мѣстъ,

1) Существенная литература по діалектологіи персидской и библиографія указана въ трудахъ Lerch'a: Forschungen über die Kurden II, 1—80, Justi, Kurdische Grammatik, XXVII—XXXIII, и Dictionnaire Kurde-Français par A. Jaba, XIII—XVI. Мы можемъ добавить къ этому работу Pym и A. Socin'a, Kurdische Sammlungen. I. St.-Ptbg. 1887.

для объединенія которыхъ въ одну семью, подъ однимъ общимъ наименованіемъ недостаточно одного распространенія нарѣчій въ близлежащихъ мѣстностяхъ, нужно брать въ расчетъ суть діалекта — фонетику, морфологию, лексическій матеріалъ и его *общепонятность*. Такимъ образомъ, можно сказать «нарѣчіе мазандеранское», если доказано, что оно принято во всей этой области, если отдѣльныя части ея не имѣютъ такой разницы въ языкѣ, которая мѣшала бы сосѣдямъ, живущимъ, положимъ, на разстояніи десяти верстъ, понимать другъ друга; можно также мириться съ названіемъ «курдскій языкъ», такъ какъ это языкъ извѣстной этнографической единицы, но будетъ большою ошибкой въ настоящее время сказать «языкъ Хорасана, Ирака, Фарса» и т. д., потому что здѣсь, что ни шагъ, то діалектъ съ довольно рѣзкими, характерными особенностями. Поэтому за каждымъ діалектомъ нужно оставить его собственное, самое тѣсное названіе по мѣсту, и, приводя его въ связь болѣе или менѣе отдаленную съ его первоисточникомъ — старо- или среднеперсидскимъ языкомъ, въ качествѣ общаго названія довольствоваться словомъ «персидскій». Короче, въ діалектическихъ работахъ, касающихся современной Персіи, желательное детальное изученіе и самая точная терминологія.

Между тѣмъ это часто упускается изъ вида въ весьма почтенныхъ трудахъ, почему получается удивительное недоразумѣніе. Читая напр. у Justi¹⁾: «*pr.* (neupersisch) *واج* sprich, *وات* Wort», можно подумать, что ни одинъ изъ авторовъ, писавшихъ на *новоперсидскомъ* яз., начиная съ Фирдоуси, не знаетъ формъ *گو* и *گفت*, а пишетъ именно *واج* и *وات*. Если въ данномъ случаѣ терминъ *pr.* понимать, какъ разговорный яз. простонародья, то и тогда будетъ неточность, потому что *واج* говорятъ далеко не вездѣ, и есть не мало мѣстностей, гдѣ говорятъ именно по *новоперсидски* *گو*.

Слишкомъ обобщаетъ термины и Houtum-Schindler: такъ онъ подъ общее наименованіе «курдскій» соединяетъ слова изъ нарѣчій Гилянскаго, Мазандеранскаго, нарѣчія города Семнана, деревни Соу въ своихъ «*Beiträge zum kurdischen Wortschatze*» (ZDMG. XXXVIII, 43—116²⁾). На какомъ основаніи?

Говоря тамъ же (45) о діалектѣ деревни Соу, онъ замѣчаетъ, что имъ пользуются деревни, лежащія въ окрестностяхъ Соу; тогда какъ находящійся отъ нея въ 30 верстахъ Кохрудъ не понимаетъ этого нарѣчія, въ чемъ можно убѣдиться, сличая слова и формы, приводимыя Schindler'омъ, съ тѣми, которыя находимъ въ кохрудскомъ діалектѣ. Такое же неточное обобщеніе, основанное, вѣроятно, на показаніяхъ мѣстныхъ жителей, находимъ мы въ статьѣ того же автора, посвященной семнанскому діалекту: «*Bericht über den Ssemnânischen Dialect*»

1) Ueber die Mundart von Jezd, ZDMG. XXXV, 404.

2) Продолженіе ихъ «*Weitere Beiträge zum kurdischen Wortschatze*» помѣщено въ ZDMG. XLII, 73—79.

(ZDMG. XXXII, 535 — 541). Этимъ діалектомъ *семнанскимъ*, по его словамъ, говорятъ въ маленькихъ деревняхъ около Семнана (кромѣ тѣхъ, которыя перечислены въ статьѣ). Американскій миссіонеръ James Basset, давшій «Grammatical Note on the Simnūni Dialect of the Persian Language» (JRAS. XVI, 120 — 139), также утверждаетъ, что діалектъ этотъ принятъ «всѣмъ населеніемъ Семнана и многихъ деревень на 5 фарсаховъ въ окружности». Между тѣмъ я могу на основаніи собранныхъ мною свѣдѣній засвидѣтельствовать, что напр. деревни Сенгисѳръ (въ 3-хъ фарсахъ отъ Семнана) и Шемерзѳдъ (въ 4-хъ ф.) не понимаютъ другъ друга, какъ не понимаютъ языка Лазгирдъ, Сурхеда и другихъ мѣстечекъ, образцы котораго сообщаютъ Schindler и Basset.

Этихъ примѣровъ достаточно, чтобы убѣдиться, что малѣйшая неточность къ терминологіи и легкое обобщеніе можетъ только затемнять дѣло и вести къ недоразумѣніямъ, которыя, само собою разумѣется, значительно увеличиваются, когда вводится терминъ слишкомъ широкій и притомъ шаткій, не имѣющій солиднаго основанія, какъ напр. «мусульманскій пехлеви» — *pehlevi musulman* — или «современный мидійскій языкъ» Clément Huart'a, которымъ онъ называетъ всѣ существующіе діалекты Персіи, — Курдскій, Мазандеранскій, Семнанскій, Гебрскій и др.

Можно бытъ смѣло увѣреннымъ, что теорія эта не найдетъ себѣ послѣдователей, какъ намекнула уже редакція Journal Asiatique, возлагая всю отвѣтственность на ея автора, при печатаніи Les quatrains de Bâbâ Tâhir Uryân, en pehlevi musulman (° VI, 502 — 545).

Становится совершенно непонятнымъ, зачѣмъ названному ученому понадобилось возвращаться къ термину, сбивчивость и неточность котораго была уже доказана учеными, замѣнившими его словомъ «среднеиранскій»¹⁾, «среднеперсидскій»²⁾, каковая замѣна и начинаетъ прививаться³⁾; непонятно тѣмъ болѣе, что самъ же Huart считаетъ «отсутствіе строго научной терминологіи однимъ изъ препятствій, которыя въ теченіи долгаго времени затрудняли серьезнымъ образомъ иранскія розысканія» и высоко ставитъ заслуги Darmesteter'a въ дѣлѣ классификаціи персидскихъ языковъ⁴⁾.

Huart вводитъ терминъ «мусульманскій пехлеви» для діалектовъ Рея, Гиляна, Мазандерана и другихъ прикаспійскихъ провинцій и вообще центральной плоской возвышенности современной Персіи, потому, будто, что такое опредѣленіе удержалось на востокѣ въ теченіи вѣковъ вообще для означенія всѣхъ этихъ областныхъ нарѣчій⁵⁾. Къ сожалѣнію, авторомъ не указанъ источникъ, откуда

1) J. Olshausen, Zur würdigung der Pahlavi-glossare etc.: Zeitschr. für vergl. Sprachf. VI, 521—569.

2) Между другими и Darmesteter, Études iraniennes, I, 36, 41, 42.

3) C. Salemann, Mittelpersische Studien, Mém. As. IX, 208.

4) Note sur le prétendu Dêrt des Parsis de Yezd, Journ. As.¹ XI, 298 и сл.

5) Les quatrains... 563.

почерпнуто это извѣстіе, такъ что оно кажется немного голословнымъ; мнѣ на мѣстѣ ни разу не приходилось слышать, чтобы Курдъ, Бахтіяръ, Гебръ и т. д. называли свой діалектъ пехлевійскимъ.

Huart удержалъ названіе «пехлевійскій» въ подражаніи мусульманскимъ писателямъ, которые «изъ пехлевійскаго дѣлаютъ языкъ Мидіи, между тѣмъ какъ языкъ персидскій есть языкъ собственно Персіи» (ibid. 504).

Едва ли можно у мусульманскихъ писателей встрѣтить на этотъ счетъ тождество показаній: если одни (съ Ибн-ал-Мокаффа́ во главѣ) пехлевійскимъ называютъ языкъ Рея, Исфагана, Гамадана, Нехавенда и Азербайджана, то у другихъ (Истахри¹⁾, Ибнъ-Хаукаль²⁾) пехлеви — языкъ староперсидской литературы вообще; персидскіе лексикологи также даютъ слову *پهلوی* самое различное толкованіе. Лучшимъ доказательствомъ, что терминъ «пехлеви» и у восточныхъ авторовъ условный, и не служитъ для обозначенія діалектовъ иранскаго нагорья, служитъ то, что вызвавшій всю теорію о *pehlevi musulman* языкъ Баба Тахира, издавна Huart'омъ по мусульманскому писателю — Лютфъ-Али-Бекъ (Атешкедэ), этимъ самымъ писателемъ называется просто *زبان راجی* — «рейскій языкъ», а не пехлевійскій³⁾.

Наконецъ Huart вводитъ свой новый терминъ для того, чтобы не смѣшивать современныхъ діалектовъ со старымъ пехлеви (ibid. 502). Такъ какъ никто никогда ни одного изъ существующихъ персидскихъ діалектовъ не называлъ просто пехлевійскимъ, то выражать опасеніе за какое бы то ни было смѣшеніе нѣтъ достаточнаго основанія. Затѣмъ, если мы со словомъ «пехлеви» (= яз. среднеперсидскій) соединяемъ извѣстное уже и точное представленіе о языкѣ, то можемъ ли мы, за оставленіемъ всякихъ другихъ соображеній, достигнуть того же при терминѣ «мусульманскій пехлеви» Huart'a, когда Курдъ не понимаетъ Мазандеранца, послѣдній Гебра и т. д., когда персидскіе діалекты, — остатки стараго языка —, сохранились и развивались при разныхъ условіяхъ и въ разное время (очень давно) достигли разнообразія? Пойметъ ли кто-либо, каковъ языкъ Баба Тахира, если сказать, что онъ писалъ на «мусульманскомъ пехлеви»⁴⁾?

1) Изданіе de Goeje, 117v.

2) Изданіе de Goeje, 100.

3) Ср. Blochmann, A treatise on the Rubá'i entitled Risálah i taránah by Aghá Ahmed 'Alí, Calcutta 1867, p. 11 и 11.

4) Оставляя совершенно въ сторонѣ умѣстность термина Huart'a, не могу не замѣтить, что самое изданіе текста Четверостишія Баба Тахира, предпринятое съ *филологическою* цѣлью, сдѣлано нѣсколько поспѣшно и безъ надлежащей осторожности. Баба Тахиръ, если можно такъ выразиться, діалектическій поэтъ Персіи. Мазандеранецъ (Dorn, Beiträge zur Kenntniss der iranischen Sprachen II, 2 Lief. (неиздано), стр. 3), Курдъ (A. Chodzko, Études philologiques sur la langue kurde, Journ. As. IX, 355), Бахтіяръ, Седеецъ и др. (по моимъ наблюденіямъ) считаютъ его своимъ національнымъ поэтомъ, причѣмъ каждый, конечно, читаетъ его по своему. Онъ кромѣ того народный и любимый поэтъ обыкновенныхъ Персовъ, и въ первоначальныхъ школахъ

Въ силу всего сказаннаго, я счелъ единственно возможнымъ и правильнымъ за нарѣчіемъ каждой деревни оставить ея названіе, а сводя отдѣльные діалекты въ извѣстныя группы, руководствовался помимо общихъ морфологическихъ соображеній, такъ сказать, второстепенными характерными чертами, появленіе которыхъ именно полосами казалось мнѣ не лишеннымъ интереса. Я замѣтилъ, что въ однихъ нарѣчіяхъ, при совершенно одинаковой конструкціи глагола, неоконченность дѣйствія выражается частицею, не имѣющею ничего общаго съ персидск. *می*, при чемъ она ставится передъ глагольной основой, въ другихъ таже частица стоитъ послѣ личныхъ окончаній, въ третьихъ — она приближается къ персидской приставкѣ и представляетъ ея видоизмѣненія. Подобно этому замѣчалась разница въ лексическомъ составѣ діалектовъ.

Такимъ образомъ діалекты, *матеріалы которыхъ собраны мною*, я разбилъ на четыре группы (полосы идутъ съ сѣвера на югъ):

I. **Діалекты города Семнана.** Деревни Сеңгісёр и Шемерзбд. (Морфология и лексической составъ приближаются къ діалекту мазандеранскому).

II. **Діалекты полосы города Башана.** (Предметъ настоящаго труда).

III. **Діалекты полосы города Исфагана.** Деревни Ѓаз, Седé, Кафрбн.

IV. **Діалекты полосы города Шираза.** Деревни Сівэнд и Абдф.

Предпринявъ вслѣдствіе чисто внѣшнихъ причинъ пока изданіе матеріаловъ, относящихся лишь до второй группы діалектовъ, я считаю удобнымъ остано- виться въ подробностяхъ только на этихъ нарѣчіяхъ, предоставляя себѣ пред- ставить свѣдѣнія (общія) о другихъ при самомъ изданіи матеріаловъ.

Діалектъ деревни Вбншунъ былъ изученъ мною въ Ширазѣ при помощи солдата, лѣтъ 25 — 30 отъ роду, воншунскаго уроженца, который отличался совершенно яснымъ, отчетливымъ произношеніемъ и въ полости рта, носа и гортани никакихъ недостатковъ не имѣлъ. По его словамъ, деревня Воншунъ лежитъ между Гульпайганомъ и Хунсаромъ, въ разстояніи двухъ фарсаховъ отъ послѣдняго, и состоитъ приблизительно изъ 500 семействъ. Вмѣстѣ съ двумя близлежащими деревнями, говорящими на томъ же діалектѣ, Тіцбн и Куцбн¹⁾, она извѣстна подъ однимъ общимъ именемъ Седé'и Обрфдá. Въ Хунсарѣ діалектъ этотъ не употребляется; тѣмъ большій интересъ приобретаетъ сообщеніе Brugsch'a (ibid. II, 32), которому хунсарскій найбъ, «ein sehr freundlicher Mann, erzählte allerlei von seinem Orte, dem er ein hohes Alter

при каллиграфіи для упражненій нерѣдко даются четверостишія Баба Тахира, поютъ его и пѣвцы (مطرب). Благодаря этому новѣйшіе списки четверостишія и большое количество ихъ лито- графій (персидскихъ и индійскихъ) съ массою вариантовъ не отвѣчаютъ требованіямъ филологів: нужно отыскать древнѣйшія, если не современный списокъ Баба Тахира, или же составить текстъ путемъ самаго тщательнаго сравненія возможно большаго количества списковъ.

1) Ср. Чириковъ, Путевой журналъ (З. Кав. Отд. И. Р. Г. О. IX), 154. Brugsch, Reise der K. Preussischen Gesandtschaft nach Persien, II, 29, 30, гдѣ деревни названы Tidschu и Kutgán.

und eine besondere Abstammung vindicirte, die am schlagendsten durch den in Khonsâr allein gesprochenen eigenthümlichen Dialect bewiesen würde».

Діалектъ деревни Кохрудъ — قهرود — по мѣстному Бохрѣ — былъ изученъ мною во время продолжительнаго пребыванія въ Исфаганѣ, причѣмъ помощниками мнѣ скужили нѣсколько лицъ (4), съ которыми я работалъ въ разное время, иногда послѣ долгихъ промежутковъ, провѣряя записанное ранѣе. Этимъ объясняются варианты въ текстахъ и въ произношеніи различныхъ словъ.

Деревня Кохрудъ¹⁾ — 300 — 400 семействъ — лежитъ въ 5 — 6 фарсахъ отъ Кашана по караванной и почтовой дорогѣ въ Исфаганъ въ горахъ того же имени. Почти все мужское населеніе занимается извознымъ промысломъ (چاروادی), — караваны Кохрудцевъ ходятъ по всей Персіи, но главнымъ образомъ между Тегераномъ и Исфаганомъ. Я проѣхалъ два раза черезъ Кохрудъ, въ Сентябрѣ 1884 г., направляясь въ Исфаганъ, и въ Іюлѣ 1886 г., на обратномъ пути въ Россію.

Діалектомъ деревни Кешѣ я занимался въ Исфаганѣ, при помощи одного старика, мелочнаго торговца грецкими орѣхами, съ которымъ все записанное было вторично провѣрено послѣ годоваго промежутка. У старика не было никакихъ недостатковъ, кромѣ отсутствія нѣсколькихъ переднихъ зубовъ.

По его показаніямъ Кешѣ, состоящая изъ 200 домовъ, находится въ 14 фарсахъ отъ Исфагана въ горахъ Натанза; въ нее отъ Исфагана ведутъ двѣ дороги: первая (ближняя) на 1) Даулетабъд, 2) Ниметабъд, 3) Гілукуһѣ и 4) Кешѣ и вторая (немного далѣе) на 1) Шахрабъд или Сарданън, 2) Думбі, 3) Сін, 4) Раббі-Султун и 5) Кешѣ.

Наконецъ діалектъ деревни Зефрѣ я изучилъ въ Исфаганѣ при содѣйствіи молодого, лѣтъ 25, привратника въ каравансераѣ. Матеріалы послѣ записи провѣрены не были.

Зефрѣ, принадлежащая къ волости Купа²⁾ (по дорогѣ изъ Исфагана въ Ездъ), отъ Исфагана къ с. в. отстоитъ на 13 фарсаховъ, по дорогѣ 1) Имамзаде Хассѣ (1 ф.), 2) Вертун (8 ф.), 3) Зефрѣ (4 ф.); отъ Кула лежитъ въ 5 фарсахъ и отъ Ардестанъа — въ 10 ф. Деревня крайне бѣдная, расположена у подножія горъ, носящихъ у мѣстныхъ жителей названіе Лагалатъ, съ вершиною Кемѣри Нечѣфт. Земля обрабатывается самымъ примитивнымъ способомъ — руками и лопатой; жители не имѣютъ въ употребленіи самыхъ обыкновенныхъ орудій и хозяйственныхъ приспособленій и не имѣютъ для нихъ «своихъ» названій (въ моемъ словарѣ подъ такими словами стоитъ «*abest*»). Населеніе прежде состояло изъ 400 семействъ, но послѣ страшнаго голода, постигшаго Персію въ началѣ семидесятыхъ годовъ, оно значительно сократилось (подать однако взимается старая, по росписи еще Шаха Аббаса I).

1) Ср. Brugsch, l. c., II, 255 и сл.

2) См. Petermann, Reisen im Orient, II, 217.

Такимъ образомъ наши четыре деревни лежатъ почти на одной линіи въ горахъ, составляющихъ продолженія курдистанскаго нагорья.

Не нужно думать, что этими деревнями ограничиваются діалекты кашанской полосы, или что они характерные представители другихъ. Присутствие именно ихъ въ моихъ матеріалахъ обязано простой счастливой случайности: крестьяне попались подъ руку и согласились со мною работать, — были случаи, что и отказывались; углубляться же въ деревенскую глушь, если только она не была мнѣ попутная, отъ большихъ центровъ я не могъ по независѣвшимъ отъ меня обстоятельствамъ и принужденъ былъ довольствоваться тѣми пришлыми «туземцами», которыхъ находилъ въ городахъ. Имъ я обязанъ указаніями на другія, окрестныя съ ихъ родиною, селенія, въ которыхъ говорятъ не на ново-персидскомъ языкѣ.

Въ Кохрудѣ мнѣ было указано на слѣдующія селенія: 1) въ сторону Кашана, къ сѣверу: — Рахакк, Армак, Каллѣ, Нешайц, Барз; 2) въ сторону Натанза, на востокъ: Бѣд, Мабѣд, Хилтѣбѣд, Тарк, Келехруд, Даркул, Су, Бидешк, Абѣунѣ, Терѣ, Чимѣ, Ханѣан, Хасанѣбѣд, Аббасѣбѣд, Минѣгирд, Мезѣ, Кешѣ, Бидхенд, Касабѣ, Барз. 3) въ сторону Гульпайгана, на западъ: Меимѣ, Кѣсу, Цушегѣн, Вачгун, Вандѣдѣ, Зіядѣбѣд, Езѣн, Хусрѣбѣд, Мутѣ, Хасанрабѣт, Лѣшѣб, Лаибѣд.

Работавшій со мною Кешеецъ называлъ слѣдующія деревни въ окрестности Кешѣ (нѣкоторыя, отмѣченныя курсивомъ, находятся въ предшествующемъ спискѣ, но иногда съ другимъ произношеніемъ): Баргерун, Тѣр, *Меззѣ, Тарк, Бидхан*, Текіѣ, Ферізѣнд, Чимѣ, Вулугирд, *Ханѣан, Барз, Кунѣун, Таррѣ, Абѣунѣ, Јерѣнд.*

Житель Зефрѣ указалъ на слѣдующіе пункты: 1) по направленію къ Ардестану: Кесѣр (2 ф.), Нѣ (2 ф.), Каңг (4½ ф.), Жѣуганд (6 ф.), Мѣрчѣ (4 ф.); въ сторону Куна: — Фешѣрк (2 ф.), Цабал (4 ф.), Секзі (5 ф.), Еклеңгі (5½ ф.).

Какого рода языкомъ въ частности говоритъ каждая изъ этихъ деревень, покажетъ, можно надѣяться, недалекое будущее; что одни селенія по языку приближаются къ нашимъ, другія удаляются, представляя, можетъ быть, существенную разницу, можно заключить изъ слѣдующаго. Когда я, направляясь въ Исфганъ, миновалъ Кохрудъ и прибылъ на первую почтовую станцію Бидешк, то, натолкнувшись на существованіе кохрудскаго діалекта, первымъ дѣломъ спросилъ у станціоннаго смотрителя, говорятъ ли они въ деревни Бидешк на кохрудскомъ языкѣ. Онъ сказалъ состривъ: «Зачѣмъ намъ говорить на немъ? Дрянной языкъ¹⁾... мы имѣемъ свой языкъ»... — *چرا بزیم گوه است* — *ما زبان از خودمان داریم*. Стало быть, между этими двумя нарѣчіями ощу-

13) Острота понятіѣе, если мы напомнимъ, что *ق* произносится какъ *گ* гортанный, и *قهرود* въ произношеніи обыкновенно = *قهرود* или *قهرود*.